Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 108–113. DOI: 10.17223/15617793/442/13

УДК 364:94(37/38)

А.А. Быков

ГЕНЕЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА (VI–XV вв.)

Рассматривается генезис европейской благотворительности после падения Западной Римской империи (476 г.) до начала буржуазной трансформации европейских стран в XVI в. Анализируются тенденции развития форм социальной поддержки и взаимоподдержки от архаичных способов до более поздних церковных и светских. Автор уделяет внимание динамике ценностно-нормативной системы, идеалам Средневековья и отмечает дрейф общества в сторону трактовки труда как главной ценности. Отсюда изменение отношения к бедным и нищим и видам помощи данным категориям населения. Делается вывод, что в позднем Средневековье наметилась тенденция к возрастанию роли государства, городских властей, самоорганизующихся обществ в благотворительной сфере.

Ключевые слова: благотворительность; Западная Европа; ценностно-нормативная система; Средневековье.

Падение Западной Римской империи, согласно теории Р.К. Мертона, можно принимать за референтную точку, после которой начинается новое социальное время Средневековье [1. С. 114]. Данная историческая эпоха характеризуется противоречивостью, неоднозначностью социально-экономической динамики, растянувшейся на целое тысячелетие.

Неоднозначны и оценки историков, анализирующих «темные века». По этому поводу советский ученый А.Я. Гуревич писал: «Средневековье пасынок истории, историческая память обошлась с ним несправедливо. Средний век (Medium acvum) – безвременье, разделяющее две славных эпохи истории Европы, средостенье между Античностью и ее возрождением, перерыв в развитии культуры, провал, “темные столетия” – таков был приговор гуманистов, закрепленный просветителями, так судили и в XIX в., противопоставляя динамичное Новое время “застойному”, “косному” средневековью» [2. С. 16].

После распада Западной Римской империи на ее территории возникают варварские королевства, романизированные в очень разной степени. Поэтому во многих провинциях бывшей империи происходит возврат к доцивилизационным, архаическим нормам поведения. Особенно это проявилось в самой крупной державе германцев – франкской. Население Западной и Центральной Европы в этих условиях вынуждено было вернуться к древним формам взаимопомощи. П.А. Кропоткин считал, что «он (человек) также подчинен великому началу взаимной помощи, которая обеспечивает наилучшие шансы выживания только тем, кто оказывает друг другу наибольшую поддержку в борьбе за существование» [3. С. 111].

Виды взаимопомощи отличались разнообразием и кроме традиционных для индоевропейской общины видов поддержки (сирот, вдов, стариков, калек) касались и таких деликатных вопросов, как переселение в деревни новых членов. В Салической правде франков (Lex Salica) сказано: «Если кто захочет переселиться в виллу (деревню) к другому, и если один или несколько из жителей виллы захотят принять его, но найдется хоть один, который воспротивится переселению; он не будет иметь права там поселиться» [4. XLV. С. 45]. Отметим, что христианская церковь в раннем Средневековье еще не могла стать главным субъектом благотворительной помощи населению хотя бы потому, что, во-первых, не имела достаточной экономической мощи, во-вторых, многие территории Европы еще не были христианизированы. Поэтому поддержка уязвимых групп населения в раннем Средневековье строилась на архаических формах взаимопомощи, опирающихся на адекватные им ценности и идеалы варварской эпохи.

Среди доблестей на первом месте стояла щедрость. “Давать” и “дарить” – главные добродетели с точки зрения трубадура. Расторжение единства между богатством и радостью, доставляемой его раздачей, означает разрушение миропорядка, ибо жадность – мать всех грехов, а щедрость – смысл всех добродетелей» [2. С. 259]. Социальные связи между членами общины были более плотными, «душевными» и строились на взаимоподдержке, которая еще долгое время была главным способом самозащиты и спасения населения.

Однако христианство постепенно расширяет и углубляет сферы своего влияния, глубоко трансформируя ментальность средневекового человека, но оно не могло полностью вытеснить те представления, которые доминировали во времена варварства. Не следует забывать и о достаточно многочисленном римском романизированном населении Европы, обладающем несравненно более высоким культурным капиталом, чем германские племена. Античное наследство как «златая платформа» европейской цивилизации продолжало влиять на мировидение уже в новом социальном времени, и в позднем Средневековье его влияние возросло, не говоря уже об эпохе Возрождения. Итогом взаимодействия варварства, христианства и античного наследия был сложный синтез этих компонентов, которые и определили облик европейской цивилизации, ее ценностно-нормативную основу.

О многом говорят и идеалы эпохи, особенно в сравнении с другими социальными временами. Так, идеальный человек Античности – всесторонне развитый гражданин (знаток наук, риторики, философии, физически развитый, участник олимпиад). «Если и можно говорить о физическом идеале христианского Средневековья, то им служило распятие: мертвое тело со страшными следами пыток и мук, перенесенных Спасителем во искупление грехов рода человеческого. Идеал Средневекового общества – монах, святой, аскет, человек, максимально отрешившийся от земных интересов, забот и соблазнов и потому более всех

остальных приблизившийся к Богу» [2. С. 253]. По мнению А.Я. Гуревича, «даже рыцарский идеал помимо воинских качеств подразумевал службу Богу и церкви». В таком социуме, с такими ценностями и идеалами «удачливый богач в этом обществе не мог стать предметом восхищения и образцом поведения» [Там же. С. 254].

Несомненно, на идеалах Средневековья сказалось влияние позднего античного христианства с его суровыми, практическими установками, заключенными в Постановлениях Апостольских. Там же прописаны и рекомендации по поводу оказания помощи ближнему, как и кому, т.е. основа христианской благотворительной деятельности. В совокупности с евангельскими текстами все это надолго определило этику и конкретные социальные практики в поддержке различных категорий населения в Средние века. Однако различные регионы Европы, да и бывшие территории Римской империи, куда входили провинции из Африки и Азии, находились далеко не в одинаковом экономическом положении. Держава ромеев (Византийская империя) была более урбанизирована, стабильна и защищена от внешних вторжений, что сказывалось и на материальном положении населения. Следует отметить, что территория Византийской империи была более христианизирована, поэтому именно там возникают различные богоугодные заведения: богадельни, странноприимные дома. Принципиально иная ситуация сложилась в Западной и Центральной Европе, сотрясаемой «переселением народов», где политическая ситуация была крайне нестабильна, а экономическое положение вследствие дезурбанизации и свертывания торговли постоянно ухудшалось.

В сельской местности еще долгое время практиковались архаические формы общинной взаимопомощи, но их, очевидно, в бедственные годы неурожая и голода, было недостаточно. Позднее христианская церковь, единственная в Европе централизованная структура и уже совсем не бедная, в лице епископов берет на себя заботу о наиболее бедных прихожанах. В сельских районах значимую социально-экономическую роль стали играть монастыри (как и в России), помогающие странникам и кормившие местных нищих и бедных.

В Западной Европе периода раннего Средневековья монастыри были наиболее крупными благотворительными учреждениями: «…они отвечали многим признакам, по которым определяются такие учреждения в современном мире: владели земельными угодьями и другим имуществом, собирали арендные платежи, а полученные средства использовали для помощи нуждающимся, раздавая милостыню и предоставляя приют путникам и больным, кроме того, в них существовали организационные структуры, обычно подчинявшиеся уставу Св. Бенедикта или Св. Августина и позволявшие воплощать в жизнь благочестивые замыслы богатого жертвователя или группы благотворителей. Кто-нибудь из братии, чаще всего привратник, распоряжался одной десятой монастырского дохода, наделяя едой и одеждой бедняков, которые приходят к воротам монастыря с просьбой о помощи. В конце X – начале XI в. такие раздачи стали настолько объемными, что с этого времени ими ведало особое лицо – монастырский податель милостыни. В больших монастырях для раздачи милостыни были отведены отдельные строения, причем на нее расходовалась фиксированная часть монастырского дохода (не считая, разумеется, раздачи объедков и поношенного платья). Из конторских книг аббатства Клюни видно, что на благотворительные цели обычно уходила примерно треть его доходов: главным образом эти средства, распределялись среди тех, кто проживал в непосредственной близости от аббатства» [5]. В Клюни «кормили в иные годы до семнадцати тысяч бедняков» [2. С. 251].

Постепенно происходит осознание необходимости создания более крупных и многофункциональных стационарных заведений. В VII в. появляются первые городские приюты (hospitals), синтезирующие деятельность богаделен, странноприимных домов и отчасти медицинских учреждений. В XII в. происходят рост торговли и общий экономический подъем, что способствовало увеличению масштабов благотворительной деятельности и росту количества приютов. Интересна география их размещения в Европе. Они строились вдоль путей, по которым двигались паломники, участники крестовых походов и купцы; в частности, приюты размещались на горных перевалах в Пиренеях и Альпах, возле речных переправ, у лесных дорог. На пожертвования богатых горожан сооружались и ремонтировались каменные мосты; так, в частности, были построены несколько мостов через Рону. Порой строительством таких мостов, притом в индивидуальном порядке, занимались религиозные братства и собрания каноников. Именно собрания каноников, обычно подчинявшиеся «уставу Св. Августина», занимались организацией систематической помощи беднякам и больным в городах, расположенных между Рейном и Сеной. По-видимому, их деятельность предвосхищала будущую профессионализацию этого сектора экономической жизни, закладывала основы внутреннего учета и контроля в благотворительных учреждениях [5].

Богатые слои населения, которые жертвовали на богоугодные заведения, тем не менее, в общественном мнении считались более далекими от Бога, чем нищие и бедные. Именно в них видели образ самого страдающего Христа. Это было достаточное основание для развития благотворительности, ее поощрения как церковью, так и светской властью. Многие монархи и аристократы кормили при своих дворах большое количество нищих, раздавали деньги: «в особенности усердствовали знатные женщины, а некоторые царственные особы не останавливались и перед пожертвованием нищим части государственных доходов» [2. С. 251].

Однако в любом деле, связанном с деньгами, материальными ресурсами, рано или поздно происходит институционализация, т.е. появляются четкие кодифицированные формы и религиозные ритуалы. В житие шотландской королевы Маргариты (XI в.) есть забота о нищих. Это случалось по большим праздникам с четкой фиксацией числа нуждающихся. «Сперва королева мыла ноги шестерым нищим, затем про-

исходил церемониал кормления девятерых сирот, наконец, триста обездоленных допускались в монаршие покои, где их обслуживала сама королевская чета». А.Я. Гуревич считал, что «строгая регламентированность и подчеркнутая публичность всех этих актов заставляет предполагать, что в основе подобной благотворительности лежала не столько проповедуемая любовь к ближнему, сколько забота жертвователей о собственном душевном благополучии» [2. С. 252].

Еще одним существенным мотивом благодеяний была библейская установка на необходимость делиться богатством с бедными, что явилось концептуальным основанием для «теории естественной общности имущества, следствием которой было представление о том, что собственники являются лишь распорядителями доставшегося им богатства и что они должны приобщить к своему благополучию других» [5]. Следует вспомнить и фразу Христа «Бедные среди вас будут всегда». Поэтому в Средние века в христианском мире, включая и Русь, никто не рассматривал нищенство и в целом бедность как социальную проблему, которую необходимо решать. Бедных кормили, одевали, заботились об их детях, а также стариках, калеках, больных, но ничего радикального, меняющего их статус и материальное положение не предпринималось. Европа еще не доросла даже до постановки проблемы, не говоря уже о практических действиях. Все определяется уровнем социально-экономического и цивилизационного развития, прямо влияющего на умонастроения эпохи.

Мало того, в поляризации общества, в его делении на богатых и бедных церковь и светские власти находили своеобразное взаимодополнение, духовно-практический смысл. «Богатые люди созданы для спасения бедных, а бедные – для спасения богатых», так говорили на Западе. «Бедный богатым питается, а богатый бедного молитвой спасается», – говорили на Руси. Как видим, и у католиков и православных подход к восприятию нищенства был очень похож, едва ли не идентичен. В подаянии нищим видели своего рода источник «страхования» душ имущих [2. С. 252], средство нравственного воспитания и спасения.

Однако следует признать, что отношение к нищим и на западе и на востоке Европы было сложным, неоднозначным. Постепенно меняется ценностно-нормативная система средневекового общества. Экономическая стабилизация, а затем и подъем XII в. были тесно связаны с новыми идеалами, с возрастанием ценности труда. По мнению французского историка Жака Ле Гоффа, «увлекшись своим новым идеалом труда, Средневековье изгоняло тех, кто добровольно или вынужденно пребывал в праздности. Оно выталкивало на большую дорогу убогих, больных, безработных, сбивавшихся в толпу бродяг. По отношению к этим несчастным, отождествлявшимся с Христом, оно испытывает те же чувства, что и к Христу: влечение и страх» [6. С. 384].

В этом смысле показателен перечень бесчестных профессий, включающий и профессию нищего. Главное основание для включения – лень, т.е. туда попадали попрошайки, которые могли бы работать, но не хотели. «Бертольд Регенсбургский в XII в. относит к отбросам христианского общества лишь бродяг, праздношатающихся (vagi). Они составят familia diaboli, дьявольское отродье, в противоположность другим профессиям, другим состояниям (etats), отныне допускаемым в христианскую семью, familia christi» [6. С. 67].

Тем не менее в XIII в., который считается временем святых, но и еретиков, появляются нищенствующие ордена, т.е. большие «братии» нищенствующих монахов. Однако их никто не относил к familia diaboli. Это Fratres minores или францисканцы, которые получили свое название от Франциска Ассизского (1182–1226). Римский папа Гонорий III утвердил очень суровый устав, в котором запрещалось «обладать чем-либо или принимать деньги прямо или косвенно, так что братья должны были жить только милостыней и оказывать послушание папе» [7. С. 188]. В 1216 г. утвержден устав ордена доминиканцев.

Любопытна фигура Франциска Ассизского, которого называли Апостолом нищеты. Он никогда и никому не отказывал. Если у него просили помощь именем Бога, он раздавал не только деньги, но и свою одежду. «Все отдать нищим и самого себя им отдать – вот жертва, угодная Богу и достойная любви к Нему» [8. С. 100] Францисканская община не должна иметь общей собственности, «чтобы его монахи не знали, чем будут питаться на следующий день, и, не ведая никаких земных забот, испрашивали посредством милостыни свой ежедневный хлеб» [Там же. С. 529].

Нищенствующие монахи постоянно находились в среде бедняков и в своих проповедях открыто осуждали вопиющее неравенство среди людей, ведущее к страданиям наиболее обездоленных. Они выдвинули на первый план связь между христианской любовью и справедливостью. Бедный человек, учили эти монахи, обладает внутренним достоинством, нельзя видеть в нем лишь средство, с помощью которого богач, подающий милостыню, спасает собственную душу. В XIII–XIV вв. теологи и знатоки церковного права, продолжая осмысление новых экономических отношений, основанных на денежном обращении, изучая природу банковского и ростовщического дела, сурово осуждали имущественное неравенство, характерное для городов. Если в раннем Средневековье главным грехом считалась гордыня (а главной добродетелью – соответственно, смирение), то в позднем Средневековье первую строчку в перечне грехов заняла скупость, а важнейшей добродетелью было признано человеколюбие, caritas. Богословы подвергли более придирчивому рассмотрению и практику подаяний, сосредоточившись при этом на серьезной проблеме – когда, как именно и кому следует давать милостыню. Еще более важная проблема, обсуждавшаяся в то время: где разумные пределы, за которыми богатство следует считать избыточным [5]. Если вторая проблема вряд ли была разрешима, то первая обсуждалась с первых веков существования христианства. Споры продолжались и в Новое, и Новейшее время, что отразилось в конкретных благотворительных практиках.

Тем не менее, параллельно с рефлексией о различных аспектах благотворительности, развивались новые виды богоугодных заведений. В XII–XIII вв. было

начато строительство лепрозориев, приютов для слепых («приют трехсот» во Франции), дома сестер милосердия, и это при активном участии королевской власти, того же Людовика IX (1214–1270).

Помимо лепрозориев строились и другие лечебницы. В Париже их число возросло за относительно короткое время до шестидесяти с лишним, во Флоренции – до тридцати, в Генте – примерно до двадцати, и даже в небольших городах насчитывалась дюжина, а то и больше. Количество и величина медицинских учреждений зависели от уровня общего экономического развития города и численности его населения. В Южной Франции и на Пиренейском полуострове больниц было не так уж и мало, но они не могли похвастать большой вместимостью. В городах Англии, Священной Римской империи, Венгрии и Польши больницы и другие благотворительные учреждения начали строить позже, и число их росло не так быстро, как в Северной Италии, Франции и Фландрии [5].

В XII–XIII вв. продолжается процесс секуляризации благотворительной деятельности. Активизируются приходские общины, братства мирян (как и на Руси), торговые и ремесленные гильдии, которые помогали вдовам, сиротам и другим уязвимым членам своих сообществ.

«Светскость» благодеяний возрастает и через деятельность городских властей. Так, в Монсе (Бельгия) городской фонд помощи, куда стекались пожертвования горожан (как прижизненные, так и по завещаниям), выполнял множество полезных функций: устраивал похороны бедняков, оплачивал учебу в школе детей из нуждающихся семей, распределял среди низших слоев населения денежное и натуральное вспомоществование и, как во многих других городах, ссуды под невысокие проценты деньгами тех, кто имел работу. В 1318 г. трое граждан Монса, назначенные городской управой распорядителями фонда, обязались также взять под свой надзор городские больницы. В течение XIV в. власти в городах Нидерландов и Северной Италии все чаще брали на себя ответственность за состояние больниц, позже эта практика мало-помалу распространилась в Португалии, Кастилии и Англии [Там же].

В дальнейшем, в эпоху позднего Средневековья (XIV–XV вв.) благотворительность продолжала развиваться, однако уже в существенно других социально-экономических условиях. Мировоззрение всех слоев населения также претерпело серьезные изменения. Европа латентно «созревала» до нового социального времени – эпох Возрождения и Реформации.

Два конкретных явления сильно повлияли на развитие Европы в позднем Средневековье – экономический кризис и эпидемия чумы. Жак Ле Гофф писал: «Кризис развернулся во всей своей полноте, когда поразил жизненно важную сельскую экономику. В 1315–1317 гг. ненастная погода повлекла за собой плохие урожаи, рост цен и всеобщий голод, почти неведомый на Западе, во всяком случае, на крайнем Западе в XIII в. В Брюгге умерло от голода две тысячи жителей из тридцати пяти» [6. С. 132]. Люди, ослабленные недоеданием, в условиях типичной для того времени антисанитарии были подвержены различным эпидемиям, уничтожившим значительную часть населения Западной Европы. Вполне естественно, что человек этой эпохи воспринимал эти трагические события как конец света.

В позднем Средневековье на фоне различных бедствий происходят огрубление нравов, отступление от христианских ценностей, возврат к некоторым элементам язычества. Голландский историк И. Хейзинга писал об этом так: «До каких несовместимых с христианством крайностей доходило смешение веры с жаждой мести, показывает обычай, господствовавший во Франции и Англии: отказывать приговоренному к смерти не только в причастии, но и в исповеди. Его хотели тем самым лишить спасения души, отягчая страх смерти неизбежностью адских мучений. Напрасно папа Климент V в 1311 г. повелел допускать осужденных, по крайней мере, к таинству покаяния» [9. С. 25]. Отход от принципа «любви к ближнему» проявлялся и в живучести кровной мести, которая широко применялась даже в таких высокоразвитых регионах, как Северная Франция и Южные Нидерланды.

Изменилось отношение и к церковным праздникам, которые проходили в необузданном веселье, с игрой в карты, бранью и сквернословием; в ответ на увещевания люди ссылались на то, что знатные господа, попы и прелаты без всяких помех делали то же самое [Там же. С. 174]. Посещение церкви превратилось в «ярмарку тщеславия». Церковь стала местом свиданий, демонстрации своих нарядов, манер, положения. В таких условиях христианская забота о бедных превратилась в холодное формальное приличие.

Для позднего Средневековья характерно возрастание недоверия к нищим. К XV – началу XVI в. страх перед бродягами, цыганами, пришельцами из дальних стран, преступностью бедняков становится все более явным. Обездоленность бедного человека, страдания, уподобляющие его Христу, уже не кажутся достойными похвалы. Гуманисты в своих сочинениях начинают высмеивать бедность и превозносить осязаемые преимущества богатства [5]. К концу Средневековья нищенство как социальное явление было настоящим бедствием для европейских городов, их не любили даже священники, поскольку они порой мешали богослужению.

Образ нищего был отражен и по-своему осмыслен в живописи и литературе того времени. И. Хейзинга писал об этом: «В то время как изобразительное искусство уже видит живописность нищего, т.е. схватывает магию формы, литература все еще полна тем, каково значение этого нищего: она либо сочувствует ему, либо превозносит его, либо его проклинает. Именно в этих проклятиях крылись литературные первоисточники реалистического изображения бедности» [9. С. 339].

Однако помимо совершенно не мотивированных на труд нищих, были и другие категории населения, также нуждающиеся в поддержке и не вызывающие негативного отношения. Одна из таких социально-демографических групп – дети. Жак Ле Гофф даже вопрошал: «Да и были ли дети на средневековом За-

паде? Если вглядеться в произведения искусства, то их там не обнаружится. В условиях высочайшей детской смертности интерес этот был воплощен в чувстве тревоги: тема “избиения младенцев” отразилась в распространении праздника Невинноубиенных. Под их патронатом находились приюты для подкидышей, но они появились не раннее XV в.» [6. С. 349].

Приюты для детей, больницы во время социально-экономических катаклизмов, известной чумной эпидемии финансировались явно недостаточно. Падение доходов населения, ухудшение материального положения отразилось и на состоянии благотворительности. Тем не менее острота экономических трудностей отчасти компенсировалась ростом числа завещаний, в которых имущество жертвовалось на благотворительные цели. Как свидетельствуют тексты завещаний, составленных на рубеже XIV–XV вв., даже не слишком зажиточные люди очень часто оставляли свое имущество больницам и приютам, а также своим приходам или нищенствующим орденам и созданным ими учреждениям. Главный мотив этих людей – побудить как можно большее число бедняков молиться за их души. Частные пожертвования все еще были мотивированы главным образом средневековыми представлениями о покаянии и искуплении грехов [5].

Помимо традиционных воззрений на мотивацию благотворительности и существующих адекватных им форм социальных практик, в позднем Средневековье появляются новые организации, вряд ли возможные раннее. Например, бегинки – члены полумонашеских объединений одиноких женщин, посвятивших себя уходу за больными и другим делам милосердия. Жили общинами, проповедовали воздержание, скромность в поведении и одежде: в частности носили белые чепцы. В отличие от монахинь не приносили никаких формальных обетов и могли выйти из общины в любое время. Существовала и сходная мужская организация – беггарды. Культивировавшиеся среди бегинок и беггардов идеи внецерковной (хотя и не антицерковной) мистики вызывали со стороны церкви подозрения в ереси, а отсутствие обетов безбрачия – даже обвинения в свальном грехе [9. С. 466]. Это были самоорганизующиеся сообщества, занимающиеся благодеяниями и предвосхитившие появление общин сестер милосердия в Новое время.

В XIV–XV вв. усиливается роль братств в поддержке своих членов. Братствами, также самоорганизующимися сообществами, в Средние века называли бюргерско-ремесленные объединения жителей города или квартала, членов одного цеха или гильдии, группировавшихся вокруг церкви того или иного святого патрона братства. В функции братства входили совместное участие в богослужении, взаимопомощь и благотворительность, забота о погребении и заупокойном поминовении сочленов, а также устройство празднеств в честь своего патрона: организация шествий, театральных представлений, поэтических состязаний [Там же. С. 500].

Таким образом, в Средние века, не смотря на экономическую и политическую нестабильность, сложную ситуацию в религиозной сфере, произошла дальнейшая институционализация благотворительности, которая, оставаясь по содержанию христианской, тем не менее, становилась все более светской. Роль церкви в поддержке маргинальных слоев населения была достаточно велика, но именно в позднем Средневековье наметилась тенденция к возрастанию роли государства, городских властей, самоорганизующихся обществ в делах благотворения. В XVI в. в эпоху Реформации происходит переосмысление как церковной благотворительности, так и содержания деятельности других субъектов социальной поддержки населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа. Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 350 с.
3. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М. : Либроком, 2013. 280 с.
4. Lex Salica (Салическая Правда). М., 1950. 167 с.
5. Боргман К., Смит Д.А. Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст // Отечественные записки. 2006. № 4. URL: www.strana-oz.ru
6. Гофф Ж. Ле. Цивилизация Средневекового Запада. Екатеринбург : Фактория, 2005. 560 с.
7. Робертсон Дж. История христианской церкви: в 2 т. Т. 2. СПб. : И.Л. Тузова, 1891. 1290 с.
8. Герье В. Франциск Ассизский. Апостол нищеты. Б.м. б.г. 544 с.
9. Хейзинга И. Осень Средневековья. М. : Наука, 1988. 540 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 апреля 2019 г.

The European Philanthropy Genesis in the Middle Ages (6th–15th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 442, 108–113.
DOI: 10.17223/15617793/442/13

Alexandr A. Bykov, Tomsk State University (Tomsk Russian Federation). E-mail: aab56@sibmail.com

Keywords: charity; Western Europe; value-normative system; Middle Ages.

The article discusses the genesis of European philanthropy after the fall of the Western Roman Empire (476) to the beginning of the European countries transformation in the sixteenth century. The Middle Ages are characterized by contradictions and ambiguity of socio-economic dynamics spanning a whole millenium. The new conditions after the collapse of civilization structures forced the population of Western and Central Europe to return to the old forms of mutual assistance. Types of assistance were diverse. In addition to the traditional Indo-European community types of support (orphans, widows, the elderly, the maimed), assistance included such sensitive issues as the resettlement of new members to villages, which was an undoubted good for the resettlers. Archaic forms of population support were based on adequate values and ideals of the barbaric era. “Give and donate” were the main virtues of this

era. Social ties between community members were more “tight”, “sincere” and were based on mutual help, which had long been the main method of self-defense and survival of the Medieval Europe’s population. The Christian Church in the early Middle Ages could not become the main subject of charity care as it did not have sufficient economic resources and many areas of Europe were not yet christianized. The situation gradually changed: the church played a dominant role in charity matters. This process and its analysis are the aim of this article. The author analyzes the transformation of the values, norms and ideals of the period under review. The intentions of the New Testament for a long time determined ethics and specific social practices in the support of various categories of population in the Middle Ages. In rural areas, monasteries (like in Russia) came to play a significant socio-economic role in helping the homeless and feeding the local poor. The economic recovery in Western Europe in the twelfth century contributed to the increase of charitable activities, the institutionalization of the basics of internal accounting and control in charitable institutions. New types of charity institutions appeared, for example, along with hospice and children’s shelters leper colonies, orphanages for the blind (“The Hospital of the Three Hundred” in France), houses of Sisters of Mercy were built with the active participation of the royal power. The author concludes that the role of the Church in supporting marginalized population was large enough, but in the late Middle Ages the role of the state and municipal authorities and self-organizing communities in the field of charity increased.

REFERENCES

1. Sorokin, P.A. & Merton, R.K. (2004) Sotsial’noe vremya: opyt metodologicheskogo i funktsional’nogo analiza [Social time: A methodological and functional analysis]. Translated from English by N. Romanovskiy. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 112–119.

2. Gurevich, A.Ya. (1984) Kategorii srednevekovoy kul’tury [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo.

3. Kropotkin, P.A. (2013) *Vzaimnaya pomoshch’ sredi zhivotnykh i lyudey kak dvigatel’ progressa* [Mutual assistance among animals and people as an engine of progress]. Moscow: Librokom.

4. Anon. (1950) *Lex Salica*. Translated from German by N.P. Gratsianskiy. Moscow: Moscow State Pedagogical University.

5. Borgman, K. & Smit, D.A. (2006) Blagotvoritel’nye uchrezhdeniya v evropeyskikh stranakh: istoricheskiy kontekst [Charitable institutions in European countries: the historical context]. *Otechestvennye zapiski*. 4. [Online] Available from: www.strana-oz.ru

6. Le Goff, J. (2005) *Tsivilizatsiya Srednevekovogo Zapada* [Medieval Civilization]. Yekaterinburg: Faktoriya.

7. Robertson, Dzh. (1891) *Istoriya khristianskoy tserkvi: v 2 t.* [The History of the Christian Church: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: I.L. Tuzova.

8. Guerier, V. (n.d.) *Frantsisk Assizskiy. Apostol nishchety* [Francis of Assisi. The Apostle of Poverty]. S.l.

9. Kheyzinga, I. (1988) *Osen’ Srednevekov’ya* [The Fall of the Middle Ages]. Moscow: Nauka.

Received: 11 April 2019